

Существование в образной системе языка единиц, представляющих разные языковые уровни, но обнаруживающих тесную смысловую связь, нередко основанную на деривационных отношениях, порождает у пользователей языком проблему выбора, адекватного использования этих единиц в разных ситуациях общения, а лексикографа неизбежно приводит к мысли о словарной их обработке в рамках единого «Словаря метафорических гнезд русского языка».

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: Элпис, 2008.

Ермакова Е.Н. Разноуровневое гнездо как способ организации лексем, образованных от фразеологизма // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. (Краснодар, 17–20 октября 2007 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т: Просвещение-Юг, 2007. С. 74–76.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М.: Русские словари: Астрель, 2001.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2001.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967.

РЕЧЕВАЯ ОЦЕНКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет
chekulai@bsu.edu.ru, prokhorova@bsu.edu.ru

На протяжении своей истории в лингвистике встречаются различные, порой взаимоисключающие друг друга, взгляды на язык и подходы к нему как к целостному явлению, характерному для определенного социума. Однако в основе любого из этих подходов, любой концеп-

ции всегда лежала общая, в какой-то мере навеянная объективными факторами научного поиска, своего рода «сверхзадача» установления связи и взаимозависимости между различными по своим конструктивным и функциональным особенностям единицами языка.

В основаниях когнитивного подхода к языку лежит мысль о том, что структурирован не столько сам язык, сколько человеческое мышление, определяющее ассоциативно-языковые построения в парадигматике языковой системы и способы комбинаторики языковых единиц в речевой синтагматике. Как отмечают В.Э. Демьянков и Е.С. Кубрякова, «...она [когнитивная лингвистика] занимается как репрезентацией собственно языковых знаний в голове человека и соприкасается с когнитивной психологией в анализе таких феноменов, как словесная или вербальная память, внутренний лексикон, а также в анализе порождения, восприятия и понимания речи, так и тем, как и в каком виде вербализуются формируемые человеком *структуры знания* [курсив наш. – И.Ч., О.П.], а следовательно, КЛ вторгается в сложнейшую область исследования, связанную с описанием мира и созданием средств такого описания» (КСКТ, 1997: 54).

В то же время едва ли является обоснованным полный отказ от признания системно-структурного статуса языковых явлений. Несомненно, креативная роль мышления в создании системы языка также не подлежит сомнению, однако факт наличия собственно структуры языка, его иерархическое строение и существование единиц различного уровня также бесспорен.

Одним из серьезных противоречий структуры языка является функциональная вариативность языковых единиц, проявляющаяся в том, что зачастую единицы различных языковых уровней фактически выполняют одни и те же частные функции. В прочих системах, независимо от того, носят ли они естественный или искусственный характер, явление нерегулируемой вариативности для нормально функционирующих сущностей практически невозможно. Что касается системы языка, то случаи выполнения одной и той же функциональной нагрузки единицами различных уровней в ее пределах являются скорее не случаями, а закономерностями. Наиболее ярким примером является монофункциональный характер семантики отдельных лексических единиц и их фразеологически связанных смысловых эквивалентов (например, высказывание «ты лжешь» эквивалентно высказыванию «ты меня водишь за нос»).

Но, как известно, язык неразрывно связан с мышлением, и эта связь носит диалектический характер. Поэтому многофункциональность языковых единиц, их порой непредсказуемая вариативность в речи объясняется живым влиянием человеческого мышления, постоянно вносящего коррективы в нормы пользования языковыми средствами. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «функциональная взаимосвязь системы языка и системы мышления представляет собой отношение между системой «означаемых» и системой «означающих». Такого рода взаимосвязь не может быть сведена не только к взаимно однозначному соответствию цельных единиц смысла и текста (в силу принципа асимметрии знака), но и к статичному соответствию цельных единиц смысла и текста» (Алефиренко Н.Ф., 2009: 40). В этом и проявляется гиперфункциональный характер языковых средств как единого комплекса для решения постоянно меняющихся частных заданий коммуникации.

В связи с этим мы полностью разделяем следующие взгляды А.Н. Мороховского на функциональную сторону языка. В его определении функции языка, на наш взгляд, отражаются наиболее существенные черты функции как важнейшей категориальной характеристики языка, как того основного содержания, ради которого и существует язык как система: «Под функцией мы понимаем прежде всего назначение объекта в некоей системе. Данная точка зрения не противоречит пониманию функции как отношения, ибо назначение есть частный случай отношения. Следует, однако, отметить, что функция-отношение представляет собой отражение всеобщей связи и взаимозависимости любых объектов и явлений реального мира, а функция-назначение возможна только для искусственных объектов, которые были созданы человеком с определенной целью и в которых «запечатлены» результаты целенаправленной деятельности человека. Язык, являясь искусственным образованием, обладает не только функция-ми-отношениями, вступая в бесконечные и многообразные связи с миром людей и объективной действительностью, но и функция-ми-назначениями – познавательно-отражательной и коммуникативной, причем вторая функция является ведущей» (Стилистика, 1991: 8–9).

Следует тем не менее сделать оговорку о том, что придание языку статуса искусственного образования не является абсолютом. С одной стороны, язык действительно создан в социуме и не может существо-

вать без него в качестве основного средства коммуникации. Но, с другой стороны, язык возникает объективно там, где имеется социум, который, в свою очередь, невозможен без коммуникации, иначе он перестает быть социумом. Иными словами, придание статуса искусственного образования системе языка должно сопровождаться приставкой «квази-», поскольку, во-первых, язык действительно возникает только в условиях социума и определяется им, а во-вторых, язык, в свою очередь, является необходимым условием существования разумного социума, способного искусственно создавать вещи и явления, многие из которых обратно-таки можно называть артефактными лишь с определенной долей допуска.

Таким маргинальным между естественными и искусственными вещами характером языка как системы и можно объяснить монофункциональный характер его элементов из различных подсистем. Особенно это относится именно к явлению языковой оценки.

С функциональной точки зрения языковая оценка носит комплексный характер. Как известно, все многообразие языковых функций можно свести к трем основным – функциям общения, сообщения и воздействия (Виноградов В.В., 1963: 6). Без преувеличения можно утверждать, что оценка выполняет в языке и речи все три функции. Функции общения и воздействия реализуются непосредственно в речи, а функция сообщения носит двойственный характер. С одной стороны, она реализуется в системе языка в виде языковых средств, обладающих семантикой квалификации того или иного явления реальной действительности, общественного или индивидуального сознания и речетворческой деятельности социума и индивида. При этом понятие квалификации шире, нежели понятие оценки. Под квалификацией следует понимать различные способы экспликации ценностного отношения, в том числе и невербальными средствами (мимикой, жестами и т.п.). С другой стороны, оценка выполняет функцию квалификативного сообщения в речи, когда в процессе коммуникации возникает необходимость выражения отношения субъекта речи к определенным вещам и явлениям объективной и субъективной реальности. При этом часто оценочную семантику приобретают единицы языка, которые, будучи взяты сами по себе, без учета условий протекания речи, не ассоциируются в сознании как специализированные языковые средства для передачи ценностного отношения. Например, в следующем случае

нейтральное слово *doctor* выражает недоверие как частное проявление отрицательного отношения к тому, что говорит собеседник:

«Faith, you may be renewing the acquaintance». The captain laughed unpleasantly. «What brings you here?»

«This wounded gentleman. I was fetched to attend him. I am a medicus».

«A doctor – you?» Scorn of that lie – as he conceived it – rang in the heavy, hectoring voice. (Sabatini: 17).

В то же время языковая оценка сама по себе является функцией, поскольку является речемыслительным средством ценностного отношения. Это функция специфическая, присущая лишь четко ограниченному употреблению языковых единиц в речевой коммуникации. В какой-то мере оценочную функцию языковых единиц и единиц речи можно сопоставить с эмотивной функцией, поскольку в их основе лежит общий принцип отражения отношения субъекта к какому-то факту реальности, мышления или вербальной экспликации. Но этот параллелизм нарушается тем, что соотношение функциональных внутренних характеристик оценки и эмоции относительно единиц языка и речи является диаметрально противоположным. Если, как указывалось выше, употребление единиц языка в оценочной функции часто сопровождается их вариативностью, в том числе и в пределах различных уровней языковой иерархии, то эмоциональная функция может иметь различные проявления в пределах одной единицы языка. Казалось бы, способность Элочки-людоедки при помощи одного и того же набора междометий выражать различные эмоции и чувства является достаточно гиперболизированной творческим замыслом авторов. Однако языковые и речевые факты показывают, что такое явление не только не является далеким от истины, но и в какой-то мере является не только системным, но и универсальным. Например, в китайском языке междометие, передаваемое звуком [a], имеющее одинаковое фонетическое и графическое оформление, в зависимости от произнесения с одним из четырех основных тонов, может выражать радость, раздражение, гнев, удивление, удовлетворение, интерес. Междометие *ah* в современном английском языке имеет следующие словарные дефиниции:

ah *int.* expr. sorrow or regret, surprise, pleasure, admiration, entreaty, remonstrance, dislike, boredom, contempt, mockery (COD, 1987: 19).

ah, interj.... An exclamation expressive of pain, surprise, pity, compassion, complaint, contempt, dislike, joy, exultation, etc., according to the manner of utterance (NWDEL, 1988: 35).

ah interjection used to show your surprise, anger, pain, happiness, agreement etc. (LDCE, 1995: 29).

Нетрудно заметить, что в указанных словозначениях не только отражены различимые в современной психологии эмоции, но и пересечение в их пределах некоторых ценностных концептов наряду с эмотивными. Такими, в частности, являются концепты «Неприязнь», «Жалоба», «Презрение» и ряд других. Очевидным является и тот факт, что данные ряды эмотивных и оценочных концептов являются незакрытыми, их легко можно продолжить такими концептами, как «Fear», «Disappointment», «Satisfaction» (например, Ah, there's the rub) и другими.

Это еще раз подтверждает мысль Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкратца, которые, говоря об искусственном характере противопоставления семантики прагматике, отмечают, что в когнитивной грамматике «автономность лексической семантики признается ошибочной, а знание значения слова в словарной статье словаря – недостаточным, узким, далеким от когнитивной реальности и даже неадекватным» (КСКТ, 1997: 50).

В то же время на примере тех же междометий очевидным является факт, что даже самый совершенный словарь не может передать всей полноты информации, которую передает слово в живой речи или даже в отдельном от контекста произнесении. Просодика слова как дискретной единицы, голосовые обертоны, которые являются составной частью языковой и речевой компетенции говорящего на языке создают дополнительные каналы передачи полноты коннотативной информации как ядра отражения в языке отношения говорящего к какому-то явлению или факту реальности, чужой или собственной мысли и т.п. Поскольку отражение ценностных отношений в виде языковой и речевой оценки основано именно на такой информации, можно сделать, по крайней мере, два, на первый взгляд, взаимоисключающих, но в действительности взаимообусловленных вывода:

- приписывание оценочной функции единице определенного уровня языковой системы в составе оценочного высказывания

или аксиологически направленного текста или его участка является ошибочным постольку, поскольку оценка в этом случае создается всем комплексом языковых средств, входящих в состав данной макроединицы. Это свидетельствует о синтагматической основе языковой оценки. Не нуждается в доказательстве тот факт, что в определенном оценочном контексте даже нейтральные, в том числе терминологические, значимые единицы перестают быть нейтральными и являются средством отражения ценностного отношения между субъектом и объектом в языке;

- в то же время ценностные отношения возникают объективно в результате потребностей мыслящего субъекта в отдельных предметах объективного мира, в общении с другими людьми, в необходимости давать квалификацию их словам (в принятом метонимическом значении) и действиям. Это предполагает фиксирование опыта ценностной квалификации в определенных единицах языка, иными словами – наличие языковой оценочной категоризации.

Литература

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.

Стилистика: Стилистика английского языка: учеб. пособие / под ред. А.Н. Мороховского. Київ: Вища школа, 1992.

Sabatini R. The Odyssey of Captain Blood. На англ. яз. М.: Менеджер, 2002.

COD: The Concise Oxford Dictionary: Seventh Ed. Bombay: Oxford Univ. Press, 1987.

NWDEL: New Webster's Dictionary of the English Language: College Edition. Dehli: Surjeet Publications, 1988.

LDCE: Longman Dictionary of Contemporary English. Third Ed. Harlow, Essex: Longman Group Ltd, 1995.